

© 2011 г. Новикова Ю.В.

УДК 81

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГРОТЕСКОВОГО ПРИНЦИПА
ТЕКСТОПОСТРОЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»)**

В переломные моменты развития общества, на стыке эпох и цивилизаций наиболее активно заявляет о себе в литературе и в искусстве особый вид художественной образности – гротеск. Цель нашей статьи – анализ реализации одной из основных стилистических целей гротеска – комического эффекта и сатирического звучания, которые должны получить адекватное отражение в переводе. Исследователи творчества М.А. Булгакова не раз констатировали, что гротесковость составляет характерную особенность художественного мира автора (Л.Ф. Ершов, Н.П. Козлов, Л.Б. Менглинова). Повесть «Собачье сердце» показательный пример, свидетельствующий о богатых возможностях гротеска, и его концептообразующей роли в создании абсурдистской действительности.

«Собачье сердце» – образец гротескного реализма. В литературе модернизма начала XX в. разноплановыми полюсами, рождающими конфликт, становятся человек и власть, человек и общество. Булгаковская повесть представляет собой антиномичное сочетание двух миров на историческом сломе двух жизненных укладов. Автор использует особый тип гротеска, сопряженный фантастикой и обладающий комическим эффектом. Здесь фантастика, в отличие от другой повести М.А. Булгакова «Роковые яйца», не является «условием, исходной установкой действия» [1], а играет вспомогательную, кратковременную, по мысли В.В. Новикова, «условную» роль [2, с.48]. На наш взгляд, гротеск необходим автору как принцип одномоментного текстопостроения для мгновенного выявления абсурда в обществе. Фантастика ограничена научными экспериментами профессора. Во всем остальном повесть строго реалистична.

Гротесковый принцип изобразительности реализуется в произведении на уровне сюжетной линии произведения и образов персонажей. Антропоморфическая фабула допускает наличие фантастического, нереального как основы развития сюжета. В лучших традициях художественного гротескного реализма выполнен переход от фантазмагоричности сцены по преобразению Шарика в человека. Абсурдный с точки зрения всякого здравомыслящего человека эксперимент сохраняет черты жизненного правдоподобия. В том и особенность гротескового изображения действительности – выдать абсурд за норму, а затем через комическое обнаружить, что эта норма – только кажущаяся видимость, маскирующая зло.

Образ люмпена, появившегося в результате эксперимента, дан автором предельно гротескно. Он аккумулировал в себе черты как реальные, так и фантастические. Поливалентность его превращений из пса в человека и обратно проецируется на смысловую структуру повести, предопределяя тем самым определенный способ построения семантического пространства текста. Гротеск как принцип текстопостроения использует метафоры и гиперболы как средства, позволяющие довести конфликт составляющих из разноположенных, несоотносимых семантических парадигм до предела [3]. Как известно, повесть начинается с монолога пса Шарика, настраивая тем самым читателя на восприятие его как человека со всем комплексом присущих ему интеллектуальных и душевных качеств. Очеловечение пса осуществляется путем приписывания ему человеческих эмоций и чувств (плач, страх), знаний и понятий материального (столовая, квартира, черная лестница, асфальт и т.д.) и идеального мира (судьба, собачий дух, собачье долготерпение, собачья моя доля, бог, рай, счастье, воля), умения читать, образности выражения мысли. Таким образом, пес Шарик подобно животным из басенного мира очеловечивается. И «этот мир, – считает В.З. Санников, – занимает промежуточное положение между миром человека и миром животных», что «сказывается и на языке: многие грамматические и лексические единицы, принятые лишь при описании мира человека, становятся в баснях и сказках допустимыми при описании животных» [4, с. 337]. Приведем несколько примеров обыгрывания противопоставления мира животных миру человека.

Оригинал:

Да на край света, пинайте меня вашими фетровыми ботинками в рыло,

я слова не *вымолвлю* [5, с.11].

Очень возможно, что бабушка моя *согрешила* с водолазом [5, с.46].

В приведенных отрывках обращает на себе внимание интересный факт: пес приписывает себе действия и свойства исключительно характерные для человека, а вот о людях он говорит как о животных. Например:

Оригинал:

О людях: Бегут, жрут, *лакают* [5, с.7].

Перевод 1: It's just grab, gobble and gulp [6, p.7]

Перевод 2: They just come running, *lap* it up, gobble it down [7, p.3]

Перевод 3: Il y courent, ils en bouffent, ils s'en mettent jusque-là [8, p.9]

Оригинал:

О машинисточке: Ноги холодные, в живот дует, потому что *шерсть* на ней вроде моей, а штаны она носит холодные, одна кружевная видимость [5, с.7].

Перевод 1: Cold legs, and the wind blows up her belly because even though she has some *hair* on it like mine she wears such cold, thin, lacy little pants – just to please her lover [6. p.7].

Перевод 2: Her legs are cold, she can feel the wind on her belly, because there's no *fur* covering it, and she's wearing cold panties, nothing but a lacy pretence [7, p.3].

Перевод 3: Elle a froid aux jamps, la brise lui gèle le ventre, parce que ses lainages valent mon *pelage*, et sa culotte lui tient frais, ça n'est rien qu'une illusion en dentelle [8, p.10].

Оригинал:

О Дарье Петровне: Чего ты? Ну, чего *лаешься*? [5, с.49]

Перевод 1: Hey, why all the barking? signalled the dog pathetically with his eyes [6, p.46].

Перевод 2: 'What's all this about? What are you barking like that for?' thought the dog, narrowing his eyes benignly [7, p.39].

Перевод 3: -Qu'est-ce qui te prend? Qu'as-tu à aboyer? répondit le chien en plissant amoureusement les yeux [8, p.57].

В контексте фантастической повести с гротесковым принципом текстопостроения всякое жизненное явление доводится до абсурда. Из уст пса Шарика такие зооморфические замены как *шерсть* и *лакать* вместо «человече-

ских» аналогов *волосы* и *пить* звучат комично и естественно. Автор показывает читателю – Шариков в «собачьем периоде» был гораздо душевнее. Как следует из перевода 1, авторская интенция не нашла равноценных средств для своего воплощения в ПЯ: нейтральные эквиваленты *gobble* и *hair* стирают грань между животным и человеком и лишают перевод противоречия, лежащего в основе сатирического эффекта. Сложно утверждать, что помешало переводчику установить соответствия между двумя языками. Такая лексика не относится к числу стилистических лакунов, и как подтверждение тому варианты переводов 2 и 3 – *lap* и *fur/pelage*.

Процесс перевоплощения пса Шарика в Шарикова-человека также сопровождается целой серией метафор с антропоморфными и зооморфными свойствами. Рудименты собачьей сути, «остатки собачьего», наиболее ярко проявляются у него в первое время после операции, постепенно исчезая к концу повествования. Например:

Оригинал:

– И очень просто, – *пролаял* Шариков от книжного шкафа [5, с.82].

– Я воевать не пойду никуда! – Вдруг хмуро – Шариков в шкаф [5, с.83].

– Я тяжело раненный при операции, – хмуро *подвыл* Шариков [5, с.84].

– Я не господин, господа все в Париже! – *отлаял* Шариков [5, с.105].

Глаголы речи, сопровождающие реплики Шарикова, более характерны для речевого поведения пса [9, с. 224]. Рассмотрим данные функционально значимые глаголы речи в переводах:

пролаял - barked [6, с.79], barked [7, p.6], aboya [8, p. 98]

тявкнул – yapped [6, с.80], yelped [7, p. 70], jappa [8, p. 99]

подвыл – whined [6, с.80], howled [7, p. 70], gémit [8, p. 99]

отлаял – barked [6, с.100], barked back [7, p. 88], répliqua Bouboulev dans un aboiement [8, p. 124]

Зооморфические глаголы речи имеют сходные семантические значения во всех представленных языках: они служат одновременно как для описания звуков, издаваемых животными, так и резкой речи человека. Все лексические варианты перевода метафорических единиц ИЯ следует признать эквивалентными. Остросатирический булгаковский гротеск поражает читателя как своими комическими, так и трагическими сторонами. Выходящие на первый план комические черты отрицательных явлений образуют внешний сюжет, в то

время как их внутреннее содержание более значительно и драматично. Например:

Оригинал: Сами знаете, человеку без документов строго воспрещается существовать [5, p.79].

Перевод 1: After all you know damn well that people who don't have any papers aren't allowed to exist nowadays [6, p.75].

Перевод 2: You know yourself it's strictly forbidden for anyone to live without any papers [7, p. 66].

Перевод 3: Vous savez vous-même qu'à un homme sans papier il est formellement interdit d'exister [8, p. 94].

Булгаковская сатира и по сей день поражает читателей ИЯ своей актуальностью. В данном примере М.А. Булгаков в гротескном виде показывает нам приоритеты нового времени: документ ценится выше человеческой жизни. Сатирический эффект безапелляционного по своей сути штампа строится на диалектическом противоречии: несмотря на отсутствие у Шарикова документов, он все-таки существует. Читатели переводов 2 и 3 в большей степени почувствуют категоричность высказывания Шарикова, нежели читатели перевода 1, т.к. переводчики 2 и 3 нашли функциональные аналоги оригинальному штампу *строго воспрещается strictly forbidden/ formellement interdit*.

М.А. Булгаков использует гротеск в повести главным образом как средство для раскрытия одной из главных тем произведения – ответственности науки. Например:

Оригинал: С Филиппом Филипповичем что-то странное делается. Когда я ему рассказал о своих гипотезах и о надежде развить Шарика в очень высокую психическую личность, он хмыкнул и ответил: «Вы думаете?» [5, с.71]

Перевод 1: Something odd is happening to Philip. When I told him about my hypotheses and my hopes of developing Sharik *into an intellectually advanced personality*, he hummed and hahed, then said: 'Do you really think so?' [6, p. 68]

Перевод 2: Something strange is happening to Filipp. When I told him about my hypotheses and my hope of developing Sharik *into a spiritually advanced individual*, he hemmed and asked: 'Do you really think so?' [7, p. 58]

Перевод 3: Il arrive quelque chose d'étrange à Philippe. Quand je lui ai raconté mes hypothèses et l'espoir que j'ai de faire de Bouboul *une très haute personnalité psychique*, il a ricané et a répondu: «Croyez-vous ? » [8, p. 84]

В данном эпизоде комический эффект приведенных высказываний строится на фантастическом предположении о возможности развития пса Шарика в «высокую психическую личность». Абсурдная идея о такой возможности здесь не простое преувеличение. Фантастический персонаж Шарикова - это заочная полемика М.А. Булгакова с советской властью о воплощении в жизнь лозунга «Кто был ничем, тот станет всем». Автор предупреждает прогрессивное человечество об опасности в лице Шариковых, которые еще вчера «бегали по подворотням», а сегодня стоят у руля государства. В переводе предметом нашего рассмотрения станет – словосочетание *высокая психическая личность*. Удачными переводами следует признать – переводы 2 и 3: *a spiritually advanced individual* [7], *une très haute personnalité psychique* [8]. Семантика ядра словосочетания *психический* предполагает свойства, исключительно характерные для человека в отличие от интеллектуальных способностей как в переводе 1 *an intellectually advanced personality*, которые свойственны как человеку, так и некоторым видам животных. Двусмысленность трактовки словосочетания *высокая психическая личность* в переводе 1 не способствует адекватной передаче всех смыслов данного высказывания.

Гротеск как принцип текстопостроения определяет специфику использования в нем речевых средств и стилистических приемов, способных создать сатирический эффект. Это, например, гиперболы и метафоры, комический эффект которых основывается на мотивированном разрушении языковой нормы. В отношении текстов-гротесков или текстов, в которых лишь отчасти представлен данный тип образности как в повести «Собачье сердце», переводчику необходимо определиться со стратегией перевода, требующей от него осмысления оценочных и текстостилевых факторов. Для того, чтобы перевести так, чтобы было одновременно «смешно и страшно» недостаточно правильно воспроизвести значения слов и адекватно оценить грамматический строй, важно также минимизировать случаи стилистической нейтрализации в отношении образных элементов повести. «Собачье сердце» – это, прежде всего, произведение о трагедии русского народа, рассказанной смешным языком. Гротеск здесь выступает как яркий тип образности, заставляющий читателя ужаснуться и содрогнуться от неприглядной картины открывшейся действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Менглинова Л.Б. Социально-философская сатира в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца». Электронный ресурс: sun.tsu.ru/mminfo/000063105/295/image/295_29-35.pdf. 08.09.10
2. Новиков В.В. Михаил Булгаков – художник. М., 1996.
3. Дормидонова Т.Ю. Гротеск как тип художественной образности (от Ренессанса к эпохе авангарда): автореферат. Электронный ресурс: university.tversu.ru/aspirants/abstracts/docs/.../25.03.2008-1.doc.
4. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
5. Булгаков М.А. Собачье сердце. Дьяволиада: повести. М., 2007.
6. *Bulgakov M.A.* The heart of the dog. London, 2005.
7. *Bulgakov M.A.* A dog's heart, An Appalling story. London, 2007.
8. *Boulgakov M.A.* Coeur de chien. Paris, 1999.
9. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2004.

*Азово-Черноморская государственная
агроинженерная академия*

14 октября 2011 г.